

УДК 81'25: 81' 271.14: 159.955

АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН КОММУНИКАТИВНЫХ «СБОЕВ» В НАУЧНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ (ПЕРЕВОДНЫХ) ТЕКСТАХ¹

Мария Павловна Котюрова

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614900, Пермь, ул. Букирева, 15. kotyurova@ yandex.ru

Елена Васильевна Левченко

д. психол. н., зав. кафедрой общей и клинической психологии, профессор

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614900, Пермь, ул. Букирева, 15. levchenkov@ yandex.ru

Людмила Вениаминовна Кушнина

д. филол. н., профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614990, Пермь, Комсомольский просп., 29. lkushnina@yandex.ru

В статье продемонстрированы возможности использования понятия обыденного сознания для анализа коммуникативных «сбоев», возникающих вследствие влияния обыденного сознания на порождение текстов в области научного и художественного (переводческого) творчества. Выявлены проявления обыденного сознания, запускающие коммуникативные «сбои» при передаче от автора (переводчика) сложного, высокообобщенного, предполагающего целостный охват описываемого явления или отображаемой в тексте ситуации, т.е. при реализации когнитивной составляющей коммуникативного акта. В число таких проявлений включены ситуативный эгоцентризм исследователя, замещение рациональных аргументов эмоциональными, а также соскальзывание с уровня целостного охвата описываемого явления или ситуации до уровня передачи отдельных фрагментов без учета связи с целостным образом. Вместе с тем показано, что «сбои» в когнитивной составляющей коммуникативного акта могут компенсироваться его аффективной составляющей, обеспечивающей удержание внимания читателя и сохранение позитивного отношения к тексту и его содержанию. Проведенный анализ свидетельствует о возможности применять понятие обыденного сознания не только в психологии, но и в смежных областях научного знания – стилистике научной речи и переводоведении.

Ключевые слова: обыденное сознание; проявления обыденного сознания; порождение текста; научное творчество; перевод; коммуникативные «сбои».

История изучения обыденного сознания свидетельствует, с одной стороны, о большой притягательности этого феномена, с другой – о его сопротивлении научному изучению. Интерес к сущности и характеристикам обыденного сознания обостряется в те периоды развития науки, когда обнаруживается исчерпанность привычного понимания ее перспектив [Сегал 2013]. Сегодня дистанция между наукой и повседневностью не столь разительна, как прежде, их отношения

подвергаются тщательному анализу с иных, чем прежде, позиций [Шубина 2005]. Мы все чаще можем наблюдать взаимопроникновение: «Обыденность начинает «умнеть», а наука становится предметом обыденных суждений» [Сегал 2013: 7].

Целью статьи является рассмотрение влияния обыденного сознания на порождение текстов в области научного и художественного (переводческого) творчества. Это влияние выступает в качестве одного из важнейших когнитивных

факторов, обуславливающих коммуникативные «сбои» в некоторых текстах.

В качестве гипотезы в данной статье выступает предположение о том, что обыденное сознание, вторгаясь в творческий процесс порождения текста, может являться причиной коммуникативных «сбоев».

Несмотря на долгую историю изучения обыденного сознания, четкое определение соответствующего термина еще не сформировано [Улыбина 1998]. Один из традиционных приемов рассмотрения обыденного сознания состоит в том, что его принято дифференцировать от научного сознания и даже противопоставлять ему.

Свойства обыденного сознания определяются, как правило, через отрицание свойств сознания научного. В их состав включают нерациональный характер, игнорирование законов логики (нелогичность), нереклексивность, ненаучность (эмпиризм) [Улыбина 1998], бессистемность, противоречивость, неспециализированность, бессубъектность (исполнение намеченного кем-то, подчинение чужой воле) [Сегал 2013].

В психологии, в которой в последние двадцать лет проявляется интерес к этому феномену, распространены попытки избежать трудностей определения обыденного сознания через использование иных, похожих на определяемое, но не тождественных ему, понятий (терминов). Чаще всего подобные попытки опираются на категории мышления, представления и понятия: социальное мышление [Абульханова-Славская 1991], нереклексивное мышление [Маркова 1996], социальные представления [Московичи 1995], житейские понятия [Выготский 1999].

Еще полвека назад доминировали отрицательные оценки обыденного сознания. Подчеркивали ограниченность обыденного сознания лишь непосредственным отражением структур повседневности и, как следствие этого, его неизбежную негативность, наивность, наполненность предрассудками, заблуждениями, ложными воззрениями, антагонистичность по отношению к теоретическому, научному знанию [Найдыш 2011].

В 80–90-е гг. прошлого века эта точка зрения была пересмотрена. Стали связывать функции обыденного сознания с его положением в системе видов сознания и форм отражения. Исследователи отмечают, что обыденное сознание выступает в качестве медиатора по отношению к общественному и индивидуальному сознанию, к мифологическому и научному отражению мира,

к бессознательному и рефлексивному сознанию. Имеются указания на парадоксальность природы обыденного сознания. Хотя оно и содержит искажения, неточности, противоречия, тем не менее обеспечивает успешное приспособление к действительности и решение жизненных проблем [Улыбина 2001].

Социально-психологические исследования свидетельствуют о том, что эффективная адаптация, согласно теории М. Лернера, осуществляется за счет упрощения представлений о мире, создания и использования стереотипов социального познания, веры людей в то, что мир, в котором они живут, является справедливым и люди в нём получают то, что заслуживают [Андреева 2000].

В настоящее время внимание исследователей привлекает богатейший творческий потенциал обыденного сознания, который заключается в способности человека продуцировать чувственно-наглядные образы, метафоры, ассоциативные связи между чувственными образами и новые отношения между разными формами сознания, осуществлять взаимодействие между разноуровневыми составляющими мыслительного процесса, поддерживать эмоциональное, чувственно-аффективное отношение человека к миру [Найдыш 2011].

В психологии выделяют такие функции обыденного сознания, как адаптация и дезадаптация. Следует отметить, что даже функция дезадаптации оценивается позитивно, поскольку она обеспечивает реализацию таких качеств личности, как субъектность, авторство, создает условия для повышения собственной субъективной значимости, личностной автономии, причем без потери связи с социумом [Улыбина 2001].

Если обратиться к деятельности ученого как носителя сознания, придется объяснять не противоположность обыденного и научного (дорефлексивного и рефлексивного) сознания, как навязывает все тот же наивный взгляд (либо «ученый», либо «неуч»), а их сосуществование и даже взаимопроникновение. Очевидно, что ученый не способен использовать ресурсы научного сознания двадцать четыре часа в сутки. Исследователь работает в двух когнитивных режимах, переходя от абстракций научного анализа к мышлению повседневности, а от суждений на уровне здравого смысла — к строгим доказательствам. В едином сознании нет перегородок, что отмечал Л. Леви-Брюль: «Не существует двух форм мышления у человечества, одной пра-

логической, другой логической, отделенных одна от другой глухой стеной, а есть различные мыслительные структуры, которые существуют в одном и том же обществе и часто, — быть может, всегда — в одном и том же сознании» [Левви-Брюль 1994: 8]. В связи с этим и можно говорить о проявлениях обыденного сознания в научных рассуждениях.

Наличие в целостном сознании дорефлексивных и рефлексивных форм репрезентации действительности является основанием для вопроса об их взаимосвязи в процессе индивидуального развития. Как известно, в онтогенезе возникновению научного (рефлексивного) сознания предшествует активное развитие форм дорефлексивных (житейских понятий) [Выготский 1999]. Переход от дорефлексивных способов репрезентации действительности к рефлексивным в психологии объясняют на основе трех моделей [Нелюбина, Тхостов 2008]. Модель «испарения» предполагает замену в сознании ребенка старых структур на новые по мере взросления [Пиаже 1969]; модель «включения» акцентирует слияние и взаимообогащение структур обоих типов [Выготский 1999]; в модели «сохранения» старые и новые структуры сосуществуют в сознании и конкурируют между собой [Субботский 2007]. О возможности обнаружения общих оснований познания, взаимодействии дорефлексивных и рефлексивных структур свидетельствуют результаты сравнительного анализа обыденных и научных представлений [Levchenko, Prodovikova 2010].

Среди условий актуализации в сознании дорефлексивных форм мышления [Нелюбина, Тхостов 2008] можно выделить характерные для научного познания: отсутствие социальной поддержки (как, например, при выдвижении ученым новых, революционных идей); полная вовлеченность (включенность) человека в ситуацию, а также ее аффективная или личностная значимость.

В последнее время в литературе все чаще можно встретить аргументы в поддержку функционирования в научном познании третьей модели, например: «Наивная и научная картины мира являются не столько антагонистами, сколько взаимодействующими соперниками и даже “сообщающимися сосудами”. Эти две разновидности познания мира взаимно дополняют друг друга, служат основой одна для другой и могут фактически сменять одна другую на протяжении

истории познания» [Кашкин 2011; 7]. Дополним эту мысль: дорефлексивное и рефлексивное познание могут взаимодействовать, сменяя друг друга, не только в историогенезе, но и в актуальном генезе, в актуальном развертывании познавательной деятельности ученого, т.е. на протяжении одного и того же акта познания. Вследствие дорефлексивной природы актуализация обыденного сознания может не осознаваться субъектом развертывающейся познавательной деятельности. В результате временного ослабления позиций рефлексивного, научного сознания и «вторжения» сознания обыденного могут возникать коммуникативные «сбои».

По нашим наблюдениям, «сбои» могут запускаться такими проявлениями обыденного сознания, как *ситуативный эгоцентризм исследователя*, когда оказывается невозможной смена своей позиции и занятие позиции Другого и обнаруживается неполнота актуализации для Другого той информации, которая очевидна для автора, *замещение рациональных аргументов эмоциональными*, а также *соскальзывание с уровня целостного охвата описываемого явления или ситуации до уровня передачи отдельных фрагментов без учета связи с целостным образом*. Как показано ниже, при профессиональном переводе имеет место соскальзывание с уровня транспонирования смыслов взаимодействующих языков и культур в переводческом пространстве на уровень передачи значений отдельных слов и выражений при утрате целостности образа описываемой ситуации.

Следует отметить, что коммуникативные «сбои» при вмешательстве обыденного сознания в процесс порождения текста затрагивают преимущественно когнитивную составляющую диалога с читателем (реализующую функцию трансляции читателю сложного, высокообобщенного, обеспечивающего целостный охват описываемого явления, содержания коммуникативного акта), в то время как аффективная составляющая (выполняющая функцию удержания внимания читателя и сохранения позитивного отношения к чтению текста и его содержанию) направлена на обеспечение компенсации этого «сбоя».

Обратимся к примерам «вторжения» обыденного сознания в процесс научного познания и порождения научного текста. Первая группа примеров из истории науки иллюстрирует *проявление ситуативного исследовательского эгоцентризма*. Воспользуемся описанием познава-

тельной ситуации, сложившейся при «вхождении» в научное знание открытия, положившего начало молекулярной биологии в зарубежной науке. Открытие было представлено в статье О. Эвери с соавторами, опубликованной в 1944 г. Статья пользовалась меньшей известностью и признанием, чем того следовало ожидать в свете имеющихся теперь представлений. Г.В. Вайятт, изучавший причины такого положения, констатирует следующее. Во-первых, в заголовке статьи не содержалось *ключевых слов*, которые способствовали бы ее признанию в то время. Во-вторых, содержание *заключения* к статье также не способствовало этому: «Представленные данные укрепляют уверенность в том, что нуклеиновая кислота дезоксирибозного типа играет основную роль в трансформации пневмококка типа III». В заключении «нет упоминаний ни о генах, ни о мутации, ни вообще о каких-либо терминах, позволяющих связать сделанное Эвери и его соавторами открытие с общими идеями генетики». В-третьих, «если у Эвери в резюме содержится лишь беспристрастное изложение фактов, то у Херши и Чейз (на эту же тему, однако позднее, в 1952 г. – *М.К.*) *изложение фактов перемежается с их интерпретацией*» (курсив наш. – *М.К.*). Автор заключает: «... нет никаких оснований надеяться, что статья, аналогичная работе Эвери, вновь не встретит такой же прием. Напротив, при увеличившемся числе публикаций ситуация может оказаться еще более трудной... *Новая информация усваивается лишь тогда, когда она без особого труда укладывается в общепринятые представления. Информация не признается в качестве таковой, пока она не превращается в знание* (курсив наш. – *М.К.*)» [Вайятт 1976: 374 – 388].

Новая информация, очевидная для того, кто ее открыл, может остаться невостребованной специалистами при отсутствии ее обоснования, анализа конкретного материала с целью эмпирического обоснования выдвинутого положения. Эту причину иллюстрирует В.В. Одинцов, ссылаясь на предложенную Р.А. Будаговым классификацию разновидностей стилистики: «Так, Р.А. Будагов писал: “В одной из последних своих работ В.В. Виноградов выделяет три стилистики... В отмеченных разграничениях не остается места для стилистики литературного языка. Поэтому... хотелось бы предложить несколько иное и более простое членение: 1) стилистика общенародного языка, 2) стилистика литературного языка, 3) стилистика художественной речи...». Это ус-

вершенствование, не встретив возражения, не было все же и принято. По-видимому, из-за того, что автор *не раскрыл на конкретном материале* ни существа понятий, ни их взаимоотношений (курсив наш. – *М.К.*)» [Одинцов 1980: 11].

Легко заметить, что при оформлении открытия в области генетики авторы «не поднялись» с когнитивной ступени эгоцентризма на коммуникативную ступень диалогичности, когда внимание переключается на Другого, т.е. читателя. При таком переключении важную роль играют набор ключевых слов, описание научных фактов и их интерпретация, а также композиционное оформление статьи.

Вместе с тем считаем важным подчеркнуть, что *ситуативные проявления эгоцентризма* (в функциональной стилистике коррелирующие с обобщенным понятием *субтекста автора*; см. об этом: [Баженова 2001; Котюрова, Баженова 2012]) чрезвычайно важны для создания адекватно понимаемого контекста коммуникации автора и читателя. Так когнитивное явление воплощается в компонент коммуникативного, а именно рече-текстового, процесса.

Вторая группа примеров иллюстрирует *заемление в диалоге с читателем авторских рациональных аргументов эмоциональными*, основанными на вере увлеченного исследователя в то, что его прогноз непременно осуществится, на передаче не столько знания, сколько своего отношения к знанию и познанию. Подчеркнем важность этого компонента для диалога автора с читателем. Не случайно он был выделен как особый тип периферийных текстов — прогноз [Самойлова 2009].

Завуалированный, однако очевидный, можно сказать, вполне открытый диалог с читателем полифункционален: он формулирует (прогнозирует) новое знание, сообщает об актуальности, значит, перспективности излагаемого знания, а также о самом акте передачи – как «на ладони» – читателю, который представляется автору в качестве возможного последователя. См., например: «Сделанные наблюдения – лишь самые первые и робкие шаги *в интересную, загадочную, непознанную страну* морфонимии» [Блинова 2014: 14]; «Таким образом, адекватный и полный анализ художественного текста возможен только при учете всех рассмотренных факторов, а *углубление теоретических представлений о каждом из них позволит вывести стилистику художественной речи в XXI веке на новый уро-*

вень» [Сергеева 2014: 120]; см. название статьи: «Медиалингвистика в польской перспективе. Авторский подход», в которой автор раскрывает свою концепцию данной субдисциплины для читателя в качестве последователя, заканчивая статью аксиологической и рекламной характеристикой медиалингвистики: «Подводя итог, можно сказать, что *только лингвистика, крепко стоящая на культурном и когнитивном фундаменте*, раскрывающая механизмы функционирования медийных картин мира, в сочетании с *критическим подходом* к исследуемым текстам *в состоянии выйти за уровень системного диагноза и показать* разнообразные отличающиеся друг от друга *детерминанты медийно мотивированного языка. Именно таким характеристикам соответствует* представленный мной *новый в Польше авторский проект* субдисциплины языкознания, называемой “медиалингвистика”» (курсив наш. – М.К.) [Сковронек 2013: 15]. См. также замечание К.Э.Штайн в книге «Гармония поэтического текста: Склад. Ткань. Фактура»: «Термином **фактура** пользуются и поэты в процессе самоинтерпретации, и исследователи, правда, ученые все же сетуют “*на удручающую неразработанность ее проблематики*” (курсив наш. – М.К.) [Кузнецов 1988:187]» [Штайн 2006: 432].

Здесь мы усматриваем яркую позитивную роль воздействия обыденного сознания в коммуникации автора и читателя, состоящую в компенсации дефицита сложных рациональных аргументов более доступными эмоциональными.

Обратимся далее к примерам из области переводоведческого дискурса. Третья группа примеров иллюстрирует *соскальзывание с уровня целостного охвата описываемого явления или ситуации до уровня передачи отдельных фрагментов без учета связи с целостным образом*. Процесс перевода требует сложной интеллектуальной деятельности, предполагающей дистанцированность от повседневности. Примеры эпизодической актуализации обыденного сознания получены в результате сопоставительного анализа текстов переводов с французского языка на русский и с русского языка на французский.

В методологии анализа мы используем идею гармонизации [Кушнина 2009], согласно которой различают четыре уровня качественного перевода текста/дискурса. Переводческая гармония понимается как достижение переводчиком смыслового соответствия, смысловой соразмерности

текстов оригинала и перевода в результате осмысления им переводческого пространства, основана на стремлении выявить закономерности порождения качественного перевода. Переводческая гармония – не научная метафора, а реальная лингвопереводческая категория, расширяющая состав критериев качественного перевода.

Гармония как высший уровень перевода означает, что текст перевода интегрирован в принимающую культуру, обогащает ее, воспринимается читателем столь же естественно, как и текст оригинала. Гармония является результатом формирования в сознании переводчика единого переводческого пространства. Переводческое пространство понимается как саморазвивающийся пространственно-временной континуум, имеющий полевую структуру нелинейной конфигурации. Полевая структура соотносится с наличием ядра и периферии. Ядро – это содержание текста или фактуальный смысл, эксплицированный в виде тема-рематической прогрессии. Периферию переводческого пространства составляют гетерогенные поля: текстовые поля (энергетическое и фатическое) и поля субъектов – автора, переводчика, реципиента. Мы исходим из предположения о том, что личностные смыслы автора, переводчика и реципиента не идентичны. Более того, если один и тот же переводчик будет переводить один и тот же текст в разные периоды своей деятельности, он сформирует разные смыслы. Доказательством этого является наличие факторов «переводческое время» [Хайдарова 2011] и «темпоральный смысл» [Георгиева 2013], а также общеизвестный факт, что переводы устаревают, а «рукописи не горят». В каждом из этих полей формируется имплицитный смысл, а их синергия приводит, в случае позитивного вектора развития смыслообразования, к порождению такого текста перевода, который становится достоянием иной культуры. В этом случае между текстами оригинала и перевода устанавливаются гармоничные отношения, подразумевающие соразмерность их смыслов.

В качестве иллюстрации обратимся к роману известной современной французской писательницы Анны Гавальды [Gavalda 2002] и его переводу, выполненному Е. Клоковой [Гавальда 2007]. В основе сюжета – беседы бывшего свекра и бывшей невестки, которую любимый муж оставил с двумя маленькими девочками. Свекор отвез ее с детьми в загородный дом, пытаясь помочь ей. Здесь они впервые по-настоящему слу-

шают друг друга, заботятся друг о друге, потому что понимают: они одна семья.

Приведем фрагмент текста, который отражает различные уровни качества перевода. Наряду с гармоничностью, мы находим в тексте проявления дисгармоничности. Если читать текст перевода, не обращаясь к оригиналу, он не вызывает возражений, недоумений, непонимания. И только критическое чтение, постоянное сопоставление оригинала и перевода с привлечением концепции переводческого пространства приводит к неутешительным выводам относительно качества перевода.

Начнем с примеров гармоничного перевода.

La première fois que je t'ai vu tu étais toute bleue. Je me souviens, j'étais impressionné. Je te revois encore dans l'encadrement de cette porte...Adrien te soutenait et tu m'as tendu une main complètement recroquevillée par le froid. Tu ne pouvais pas me saluer, tu ne pouvais pas parler, j'avais donc pressé ton bras en signe de bienvenue et je revois encore les marques blanches que mes doigts avaient imprimées sur ton poignet" [Gavalda 2002: 61].

«Когда я впервые тебя увидел, ты была вся синяя. Помню, это произвело на меня впечатление. Ты стояла в проеме этой двери... Адриан поддерживал тебя, а ты протянула мне скрюченную руку. Ты не могла ни пальцем пошевелить, ни слова вымолвить, и я пожал твою ладонь в знак приветствия, и на твоём запястье остались белые следы от моих пальцев» [Гавальда 2007: 61]. (Здесь и далее перевод наш. – Л.К.).

Сопоставив фрагменты текстов оригинала и перевода, видим, что переводчику удалось передать трепетное воспоминание свекра о его первой встрече с будущей невесткой. Читатель ясно представляет первую встречу-знакомство, первый контакт, который в тот момент ни для кого из них ничего не значил. Но воспоминание об этом дне оказалось очень важным для понимания будущих взаимоотношений. Переводчик так же искренен, как и автор. Переводчик не копирует лексический состав текста-оригинала, используя другие слова, передающие те же мысли и чувства героев романа. Так, в тексте оригинала мы читаем "Tu ne pouvais pas me saluer, tu ne pouvais pas parler", что буквально означает: «Ты не могла меня приветствовать, ты не могла говорить». Переводчик находит такие слова, которые воспринимаются русским читателем как естественные: «Ты не могла ни пальцем пошевелить, ни слова

вымолвить». В этом заключается мастерство переводчика, таким мы видим проявление гармонии переводческого пространства.

Но возможны и другие линии развития смысла в пространстве перевода. Если переводчик не осознает необходимости интерпретации множества разнородных – как объективных, так и субъективных имплицитных смыслов, – то между исходным и производным текстами устанавливаются отношения эквивалентности, адекватности, дисгармоничности. Если переводчику удалось осуществить лишь межъязыковые трансформации, мы констатируем установление эквивалентных отношений. Если переводчик находит словарные соответствия и ограничивается их использованием в тексте перевода, возникают отношения адекватности.

Если же переводчик подбирает квазиадекватные языковые единицы, не отражающие всей гаммы эксплицитно-имплицитных смыслов, заложенных в текст автором, то проявляется дисгармония.

Рассмотрим проявления дисгармонии как следствия актуализации обыденного сознания.

«Après leurs nuggets, les filles ont joué dans une espèce de cage remplie de boules multicolores. Un jeune homme leur avait demandé d'enlever les chaussures...» [Gavalda 2002: 14].

- «Съев **наггетсы**, девочки отправились играть в комнату, полную разноцветных шаров. Молодой человек попросил их снять обувь» [Гавальда 2007: 14].

Во-первых, поясним, что французского слова «nugget» действительно нет во французско-русском словаре. Речь идет о сладостях, напоминающих пастилу. Вероятно, переводчик не представляет, как выглядит это лакомство, каков у него вкус и пр., и принял необдуманное переводческое решение, используя калькированный перевод.

Во-вторых, выражение «une espèce de cage» переведено как «комната» (вместо: «своего рода клетка»), и это приводит к еще более очевидной дисгармоничности перевода. Вероятно, речь шла не о комнате, а о каком-то игрушечном сооружении, наполненном разноцветными шариками, в которые любят играть дети. Возможно, это игрушечный домик, детский шатер и т.п. Тогда становится понятным смысл следующего предложения, поскольку именно в этом игрушечном домике нужно было снимать обувь.

Приведем другой пример дисгармонии перевода. В тексте оригинала читаем фразу: «Ma belle-soeur Christine se plaignait desprofs des enfants, les disait incompetents et bornes» [Gavalda 2002:21], которая в тексте перевода звучит так: «Моя невестка Кристин жаловалась на учителей своих детей: мол, все они некомпетентные и ограниченные» [Гавальда 2007: 21]. Из более широкого контекста ясно, что речь идет о сестре Адриана, мужа главной героини, которая в русской традиции обозначается как золовка, в то время как невесткой является сама героиня, Хлоя. Чтение этого фрагмента на русском языке вызывает недоумение читателя. Вероятно, для переводчика не представлялось существенным точно выразить характер родственных отношений, описанных в романе. Данный перевод мы признаем дисгармоничным ввиду наличия переводческой ошибки.

Обратимся к фрагменту романа современного пермского прозаика А.Иванова, чей роман «Географ глобус пропил» [Иванов 2013] переведен на французский язык [Ivanov 2006]. Трудности его перевода обусловлены тем, что роман написан «живым» языком: писатель широко использует прибаутки, шутки, присказки, образные выражения, диалектизмы и пр. Герой романа – Виктор Служкин – самоироничный одинокий романтик, неудачник, который по иронии судьбы становится учителем географии в школе. Он ищет свой путь к сердцам учеников, называя их «отцами», он не может приспособиться к окружающей среде и остается одиноким, уязвимым, но свободным.

Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода показал наличие случаев дисгармонии. Приведем пример дисгармоничного перевода.

«И может, именно любви я и хотел научить **отцов** – хотя я ничему не хотел учить... Я не знаю, что у меня получилось. Во всяком случае, я, как мог, старался, чтобы **отцы** стали сильнее и добрее, не унижаясь и не унижая» [Иванов 2013: 422].

“C’est d’ailleurs peut-être l’amour que je voulais apprendre aux piliers de la classe –bien que je n’aie pas voulu enseigner quoi que ce soit... Je ne sais pas quel résultat j’ai obtenu. En tout cas j’ai essaye autant que je pouvais de faire en sorte que mes filles et mes gars deviennent plus forts et meilleurs sans s’humilier ni humilier” [Ivanov 2006: 431].

Как видим, переводчик не сумел передать авторский смысл особым обращением к своим ученикам, выраженным словом «отцы», стремление быть «своим», родным, что не нашло отражения в тексте перевода. В одном случае переводчик употребляет «piliers de la classe», что при обратном переводе означает «костяк класса», в другом – «filles et gars», что переводится как «девочки и мальчишки». Искажение смыслов поля автора обусловило переводческое несоответствие и привело к дисгармонии. Не является ли это искажение проявлением актуализации обыденного сознания, когда переводчик неосознанно нейтрализует / теряет / не передает / не транслирует исходные смыслы?

Возможна ли их полноценная трансляция при переводе? Вероятно, да! Это возможно при востребованности самых разнообразных переводческих моделей, в случае разносторонних размышлений переводчика о том необъятном пространстве перевода, в котором продолжается существование исходного текста, при высоком уровне профессиональной рефлексии, когда он сознательно блокирует поползновения обыденного сознания и остается на уровне специализированного знания.

Размышления о коммуникативных «сбоях» в сфере перевода завершим высказыванием Г.Г. Гадамера о том, что «переведенные книги представляют собой настоящие чудовища, это набор букв, из которых вынули дух» (цит. по: [Татаринов 2008: 87]). В этом ученый видит настоящее бедствие перевода. Может показаться, что недостаточная востребованность переводческих моделей, воплощающих специализированное знание, означает, что их создание, описание, интерпретация потеряли свою актуальность. Скорее, наоборот, в орбиту переводческого пространства необходимо включать не только исследователей перевода, преподавателей перевода, студентов-переводчиков, но и практикующих переводчиков. Именно для последних важна рефлексия достижения высшего уровня перевода – гармонии, а «прорывы» дорефлексивного, обыденного сознания, их влияние на процесс и результат перевода столь же неизбежны, сколь приятны. Они комфортны, как бывают комфортны любые проявления обыденного сознания, не обремененного профессиональной рефлексией, требующей значительных усилий и порождающей тревогу несоответствия конвенциональным нормам, принятым в сообществе профессионалов.

В заключение подчеркнем следующее. Понятие обыденного сознания активно развивается в психологии. Нами продемонстрированы возможности использования этого понятия для анализа коммуникативных «сбоев», возникающих вследствие влияния обыденного сознания на порождение текстов в области научного и художественного (переводческого) творчества. Выявлены проявления обыденного сознания, запускающие коммуникативные «сбои» при передаче от автора (переводчика) сложного, высокообобщенного, предполагающего целостный охват описываемого явления или отображаемой в тексте ситуации, т.е. при реализации когнитивной составляющей коммуникативного акта. В число таких проявлений включены *ситуативный эгоцентризм исследователя, замещение рациональных аргументов эмоциональными*, а также *соскальзывание с уровня целостного охвата описываемого явления или ситуации до уровня передачи отдельных фрагментов без учета связи с целостным образом*. Вместе с тем показано, что «сбои» в когнитивной составляющей коммуникативного акта могут компенсироваться его аффективной составляющей, обеспечивающей удержание внимания читателя и сохранение позитивного отношения к тексту и его содержанию. Проведенный анализ свидетельствует о возможности применять понятие обыденного сознания не только в психологии, но и в смежных областях научного знания – стилистике научной речи и переводоведении.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (проект №14-34-01026а1).

Список источников

Блинова О.И. Малоизвестная сфера народной речевой культуры: названия частей растений // Русская речевая культура и текст: материалы VIII Междунар. науч. конф. (17–18 апреля 2014 г.) / под общ. ред. проф. Н.С.Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2014. С. 9–14.

Вайятт Г.В. Когда информация становится знанием? // Коммуникация в современной науке. Логика и методология науки: сб.пер. с англ. М.К.Петрова и Б.Г.Юдина. М.: Прогресс, 1976. С.374–388.

Гавальда А. Я ее любил, я его любила / пер. с франц. Е.Клоковой. М.: Флюид / FreeFly, 2007. 158 с.

Иванов А.В. Географ глобус пропил. М.: АСТ, 2013. 448 с.

Кузнецов Э.Д. Фактура как элемент книжного искусства // Книга как художественный предмет. М.: Книга, 1988.

Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 263 с.

Сергеева Е.В. К вопросу о проблематике стилистики художественной речи в начале XXI века // Русская речевая культура и текст: материалы VIII Междунар. науч. конф. (17–18 апреля 2014 г.) / под общ. ред. Н.С.Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2014. С. 112–120.

Сковронек Б. Медиалингвистика в польской перспективе. Авторский подход // Стилистика как речеведение: сб. науч. тр. славянских стилистов, посвященный памяти М.Н.Кожинной / под ред. Л.Р.Дускаевой. М.: Флинта: Наука, 2013. С. 146–154.

Штайн К.Э. Гармония поэтического текста / под ред. В.В.Бабайцевой. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. 646 с.

Gavalda A. Jel'aimais. Paris: Le Dilettante, 2002. 158 p.

Ivanov A. Le géographe a bu son globe. Paris: Fayard, 2006. 512 p.

Список литературы

Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2000. 288 с.

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 301 с.

Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2001. 272 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

Георгиева Н.Ю. Адаптивные стратегии трансляции темпоральных смыслов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2013. 23 с.

Кашкин В. Б. Языковые контрасты в обыденном сознании и в научной лингвистике // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. №2. С.5–10.

Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: Текст и его редактирование: учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2012. 280 с.

Кушникова Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь, 2009. 196 с.

- Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
- Маркова И.* Социальные репрезентации демократии в обыденном и рефлексивном мышлении // Психологический журнал. 1996. №5. С. 56–68.
- Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, №2. С. 3–14.
- Найдыш О.В.* Обыденное сознание и мифотворчество: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2011. 24 с.
- Нелюбина А.С., Тхостов А.Ш.* Обыденные представления как фактор, опосредующий поведение в ситуации болезни // Вестн. Томского гос. ун-та. 2008. №317. С.243–245. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obydennye-predstavleniya-kak-faktor-oposreduyuschiy-povedenie-v-situatsii-bolezni> (дата обращения: 09.10.2014).
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
- Самойлова И.В.* Периферийные речевые жанры научного текста в аспекте авторской индивидуальности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2009. 23 с.
- Сегал А.П.* Проблемное поле исследования обыденного сознания // Современные проблемы науки и образования. 2013. №6. URL: www.science-education.ru/113-10957 (дата обращения: 23.09.2014).
- Субботский Е.В.* Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007. 401 с.
- Татаринов В.А.* Проблемы философской рефлексии в научном переводе // Ментальность. Коммуникация. Перевод: сб. ст. / отв. ред. М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 64–89.
- Улыбина Е.В.* Обыденное сознание: структура и функции. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. 208 с.
- Улыбина Е.В.* Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001. 263 с.
- Хайдарова И.Н.* Сопоставительное исследование категории переводческого времени. Lambert, 2011. 224 с.
- Шубина М.П.* Повседневное и специализированное знание // Гуманитарные исследования: межвуз. сб. науч. трудов: Ежегодник. Вып. 10. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2005. С. 71–75.
- Abul'hanova-Slavskaja K.A.* Strategija zhizni [The strategy of life]. Moscow: Mysl', 1991. 301 p.
- Bazhenova E.A.* Nauchnyj tekst v aspekte politekstual'nosti. [Scientific text from the aspect of intertextuality]. Perm: Perm St. Univ. Publ., 2001. 272 p.
- Vygotskij L.S.* Myshlenie i rech'. [The thinking and the speech]. Moscow: Labirint, 1999. 352 p.
- Georgieva N.Ju.* Adaptivnye strategii transljaccii temporal'nyh smyslov. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. [Adaptive strategies of translation of temporal senses. Synopsis of Cand. philol. sci. Diss.]. Tyumen, 2013. 23 p.
- Kashkin V.B.* Jazykovye kontrasty v obydennom soznanii i v nauchnoj lingvistike [Language contrasts in ordinary consciousness and scientific linguistics]. Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and international communication]. 2011. № 2. P. 5-10.
- Kotjurova M.P., Bazhenova E.A.* Kul'tura nauchnoj rechi: Tekst i ego redaktirovanie: ucheb. posobie [Culture of scientific speech: text and its editing: tutorial]. Perm: Perm St. Univ. Publ., 2012. 280 p.
- Kushnina L.V.* Teorija garmonizacii: opyt kognitivnogo analiza perevodcheskogo prostranstva. [The theory of harmonization: experience of cognitive analysis of the space of translation]. Perm, 2009. 196 p.
- Levy-Bruhl L.* Sverhjestestvennoe v pervobytnom myshlenii. [Primitives and the supernatural]. Moscow: Pedagogika-Press, 1994. 608 p.
- Levchenko E.V., Prodovikova A.G.* The Comparative Analysis of Scientific and Social Representations of Consciousness and the Unconscious // Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook / Ed. by Yu.P. Zinchenko & V.F. Petrenko. Moscow: Lomonosov Moscow State University; Russian Psychological Society, 2010. P. 654-683.
- Markova I.* Social'nye reprezentacii demokratii v obydennom i reflektivnom myshlenii [Social representations of democracy in ordinary and reflexive thinking]. Psihologicheskij zhurnal [Philological journal]. 1996. № 5. P. 56-68.
- Moskovichi S.* Social'nye predstavlenija: istoricheskij vzgljad [Social notions: historical viewpoint]. Psihologicheskij zhurnal [Philological journal]. 1995. Vol. 16. № 2. P. 3-14.
- Najdysh O.V.* Obydennoe soznanie i mifotvorchestvo. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Ordinary consciousness and myth-making. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 24 p.
- Neljubina A.S., Tkhostov A.Sh.* Obydennye predstavlenija kak faktor, oposredujushhij povedenie v situacii bolezni [Ordinary notions as a factor mediating behavior during illness]. Vestn. Tom. gos. un-ta

References

Andreeva G.M. Psihologija social'nogo poznanija [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt-Press, 2000. 288 p.

[Tomsk State University Journal]. 2008. № 317. P. 243-245. Available at:

<http://cyberleninka.ru/article/n/obydennye-predstavleniya-kak-faktor-oposreduyuschiy-povedenie-v-situatsii-bolezni> (accessed 09.10.2014).

Piaget J. Izbrannye psihologicheskie trudy [Selected works on psychology]. Moscow: Prosveshchenie, 1969. 659 p.

Samojlova I.V. Periferijnye rechevye zhanry nauchnogo teksta v aspekte avtorskoj individual'nosti. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. [Peripheral speech genres of scientific text from the aspect of an author's individuality. Synopsis of Cand. philol. sci. Diss.]. Perm, 2009. 23 p.

Segal A.P. Problemnoe pole issledovanija obydenного soznaniya [Problem issues of studying ordinary consciousness]. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija [Contemporary issues of science and education]. 2013. № 6. Available at: www.science-education.ru/113-10957 (accessed 23.09.2014).

Subbotskij E.V. Strojashheesja soznanie. [The consciousness being build]. Moscow: Smysl, 2007. 401 p.

Tatarinov V.A. Problemy filosofskoj refleksii v nauchnom perevode [Problems of philosophical reflection in scientific translation]. Mental'nost'. Kommunikacija. Perevod: sbornik statej [Mentality. Communication. Translation: collected articles]. Moscow: INION RAN, 2008. P. 64-89.

Ulybina E.V. Obydennoe soznanie: struktura i funkcii [Ordinary consciousness: structure and functions]. Stavropol: Stavropol St. Univ. Publ., 1998. 208 p.

Ulybina E.V. Psihologija obydenного soznaniya [Psychology of ordinary consciousness]. Moscow: Smysl, 2001. 263 p.

Hajdarova I.N. Sopostavitel'noe issledovanie kategorii perevodcheskogo vremeni. [Comparative study of the translation time category]. Lambert, 2011. 224 p.

Shubina M.P. Povsednevnoe i specializirovanное znanie [Everyday and special knowledge]. Gumanitarnye issledovanija: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov: Ezhegodnik. Vyp. 10 [Studies in the Humanities: Interacademic collection of scientific works: yearbook. Iss. 10]. Omsk: Omsk St. Techn. Univ. Publ., 2005. P. 71-75.

ACTUALIZATION OF ORDINARY CONSCIOUSNESS AS ONE OF THE REASONS FOR COMMUNICATION «FAILURES» IN SCIENTIFIC AND LITERARY (TRANSLATED) TEXTS

Marija P. Kotjurova

Professor in the Department of Russian Language and Stylistics
Perm State University

Elena V. Levchenko

Professor, Head of the Department of General and Clinical Psychology
Perm State University

Ljudmila V. Kushnina

Professor in the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnic University

The paper shows the possibility of using the concept of ordinary consciousness for analyzing communicative «failures» resulting from the impact of ordinary consciousness on text production as part of scientific and literary creative work (translation). The authors identify manifestations of ordinary consciousness causing communication «failures» while conveying the meaning of a complex, highly generalized phenomenon involving holistic coverage or a situation described in the text by an author (a translator), that is while implementing the cognitive component of a communicative act. Some of these manifestations include situational self-centeredness of a researcher, substitution of rational arguments for emotional ones, as well as slipping from the level of holistic coverage of the phenomenon or situation described to the level of conveying the meaning of individual fragments without regard for the holistic image. Besides, it is shown that «failures» in the cognitive component of a communicative act can be compensated by its affective component, which keeps a reader's attention and maintains their positive attitude towards the text and its contents. The analysis conducted shows that the concept of ordinary consciousness can be used not only in psychology, but also in some related areas of scientific knowledge – stylistics of scientific discourse and theory of translation.

Key words: ordinary consciousness; manifestations of ordinary consciousness; text production; scientific creative work; translation; communication «failures».